

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://seminvitaly.ru/> приятного чтения!

Эй! Виталий Николаевич Сёмин

1

Для того, чтобы ночью не испугаться в море перед надвигающимися сигнальными огнями теплохода и самоходной баржи, надо самому обладать массой, схожей с массой этих кораблей.

Днем створы и маяки в Цимлянском водохранилище – просто крашенные деревянные щиты, а ночью на них зажигаются жутковатые, таинственные, холодные огни. Каждой ночью совершаются эти превращения, и ничего с этим нельзя поделать.

В районе порта бакены мигают. А в море, по фарватеру, – неподвижные огни. Минут десять я держал шлюпку на один из таких огней. И вдруг он внезапно вырос. Ходовой огонь корабля, который накатывался на нас, потому так долго казался неподвижным, что мы шли друг на друга. Оглушенный собственной машиной штурвальный не услышит крик. Я зажег карманный фонарик. Свет слабой батарейки едва высветил парус. Нас обдало теплом, вялый парус качнуло, красный и белый ходовые огни нависли над шлюпкой, и рокот машины стал удаляться.

Пока задерживал дыхание, все началось и кончилось. Но страх не был мгновенным. В нем осталось то, как я сам выводил шлюпку на корабль.

Шлюзы были иллюминированы. Огни тлели гнилушками, всплывали из черной глубины, и даже репродуктор на невидимом правом берегу казался опасным потому, что звучал так ясно, будто не было между нами полутора километров.

Этот репродуктор надолго задержал нас. Мы плыли от Калача к Пятиизбянкам, ожидая, когда появятся поселковые огни. Поселковых огней на берегу все не было и потому совсем неожиданно в темноте загрел репродуктор. Пытаясь подойти поближе, мы уперлись в полузатопленные кусты.

– Эй! – крикнули мы наудачу.

– Эй! – ответили нам не сразу.

– Что здесь?

– Огороды!

– Кумская или Пятиизбянки?

– Проплыли! – ответил голос.

Я переспросил и голос подтвердил:

– Проплыли!

Мы повернули шлюпку и шли, пока не услышали сильный запах ладана. Так пахло целое поле сосновых бревен. Плот этот мы проходили еще в сумерки, когда вышли из Калача. Пятиизбянок здесь не могло быть. В голосе человека, который кричал нам: «Проплыли!» – в затопленных водой плетнях, в частоколе прошлогодних подсолнухов, которые не давали нам подойти к берегу, в репродукторе, работавшем в темноте, была какая-то ненадежность. Мы чувствовали ее. Но еще большая ненадежность была в нашей усталости. Мы хотели как можно скорее попасть в Пятиизбянки, где, как нам сказали в Калаче, рейд и где можно шлюпку погрузить на самоходную баржу и уплыть домой.

С тех пор, как в Вешках плавучий кран, стреляя тракторным дымом, снял с маленькой самоходки на воду нашу шлюпку, над нами много дней было неподвижное небо. Утром на этом небе появлялись неподвижные облака – их конденсировало утреннее солнце, и оно же к полудню их растворяло. Это небо мы увидели, как только отплыли от курортных, выкрашенных в любимые синие мундирные казачьи тона Вешек.

Песок на берегах был то серый, глухо, как гранит, то матовый, то глиняно-желтый,

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru

а то, как на севере под соснами, – красный. Даже дно тут было не такое, как на нижнем Дону – дно мелких рек с неравномерным течением: то ямка, то бугорок. Высокие глины на берегах напоминали гранитные стены – та же розовость и солнечная искра. А меловые горы – стены с контрфорсами. Дождевая вода прорезала на твердых склонах мелкие овражки – выступы между этими овражками и казались контрфорсами.

В безветренные дни в воздухе накапливались атомы солнца, жары. Ночью нам не давали заснуть голодающие комары. Утром будили крики коршунов. Коршуны – соловьи верхнего Дона. Никогда бы не подумал, что они кричат так нежно и переливчато.

Посмотришь в небо: летают, планируют, набирают такую высоту, что атаковать кого-либо с такой высоты было бы бесполезно – пока долетишь до земли!

И цвет неподвижного неба, и цвет меловых гор мне казался древним, непоколебленным. И белая, молочная у известкового берега вода. И трава, растущая на меловой пыли...

Зелени много: зелень рядом и зелень вдаль – густая, хвойная, с десятками переходов от ёлочного до тополиного. И деревья, сваленные половодьем. В воде, а абсолютно сухие. С паутинными, истаявшими ветвями, с черными гладкими стволами – уже не дерево, еще не тлен. А есть еще зеленеющие, однако тоже с сухими ветвями, с желтеющей по-осеннему листвой.

На берегу плетни усадеб и огородов. Специальные частокотлы для просушки сетей. С длинных палок явно для гладкости, а не для красоты снята кора.

Парус наш в следах масла и ещё чего-то. На нем спят. Его простирают, чтобы полежать на нем во время дневки, на нем обедают. Он замят и пахнет ночлегом. Но когда дует ветер, он натягивается и все его морщины и складки расправляются. Мы плывем и удивляемся тому, какие геометрически правильные, чертежные берега намыла река, траве, растущей прямо на песке, обилию белого, снежного: известковым выходам, меловой пыли на горах, деревьям на этой пыли.

Шкаторина от паруса время от времени полощет в воде. Можно на ходу опустить в воду руку. Но пахнет водой только у реки. Поднимешься в станицу – пыль, сушь и томление. Каждая станица отмечена церковью. Лучшей строительной формы для своих возвышенных мыслей люди еще не нашли. Плынешь и думаешь, как погиб бы речной пейзаж без этих обветшалых куполов!

Самый младший из нас Игорь Шорников родился в Кустанае, учился в Омске, работал в Саратове и еще где-то. Он рассказывает:

– Надо иметь родину хотя бы плохонькую. Тогда и будет нравиться. А мне вот нигде не нравится.

Однако плыть под парусом удавалось совсем не часто. Ветер на реке всегда верховой или низовой. Как бы ни дул на равнине, русло реки поворачивает его по-своему. Надежда на то, что с новым поворотом реки изменится направление ветра, пуста. Река поворачивает, а ветер остается попутным или встречным.

По каким-то причинам, он чаще всего встречный. В шлюпке мы сразу почувствовали давление трехсот километров, которые нам предстояло пройти до Калача. После первого дня гребли, мы об этих километрах уже не забывали ни на минуту.

Так мы и шли, пока в одном или двух переходах от Калача не уперлись в мощный ветер. Шлюпка так отяжелела, что наша некомплектная команда – с каждого борта у нас было по одному гребцу, вместо двух, – не могла сдвинуть ее с места. Двое суток ждали, пока ветер упадет, а потом пошли волоком. И тут река повернула так, что встречный ветер стал попутным. Дыхание его сделалось шире, дальше раздвинулись берега, и мы ощутили то, что трудно почувствовать на коротком речном колене: парус летит с лодкой, а не толкает её.

Матрос с волжской самоходной баржи, стоявшей на ремонте, крикнул в наш парус:

– Откуда?

И замахал вслед:

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru

– Честное слово, завидую!

Когда подходили к дебаркадеру Калача, я взглянул вверх. Много лет назад в сорокаградусную жару студенческой командой мы подходили к этому самому дебаркадеру. Сверху на нас смотрел человек в полувоенной форме. Мы дружески помахали ему, а он вдруг закричал на нас:

– А ну, оденьтесь!

Дебаркадер с тех пор постарел. Вернее, остался тем же. Но от того, что где-то за это время построили много нового, все здесь казалось постаревшим. И это было удивительно потому, что со строительным потоком, бушевавшим здесь, у меня когда-то прочно связывалось представление о смене времен, о новизне.

Даже «метеор», стоявший на причале, казался залетевшим из других мест. Пока спускали парус, снимали мачту и проводили шлюпку под бревном, которым дебаркадер упирался в берег, у меня появилось дурное предчувствие. Оно оправдалось, как только Игорь Шорников с туристским листом, который мы отмечали раз в три дня, выбрался наверх. Волжские корабли из канала шли прямо к Пятиизбянкам, брали на рейде несамоходную баржу-приставку и вели её через Цимлу на нижний Дон. Если мы хотим сегодня погрузиться на корабль, нам надо пройти по водохранилищу еще восемнадцать километров.

Пока Игорь отмечал свой лист, давал с городского телеграфа телеграмму о том, что наш поход окончен, каждый из этих восемнадцати километров удлинялся невероятно. Когда мы наконец сели в шлюпку и оттолкнулись от дебаркадера, мачту можно было не ставить – ветер кончился. Но все же мы подняли парус, и он уловил движение вечернего холода. Холод из долин стекал по оврагам, и парус чувствовал это. Однако журчание под носом шлюпки временами прекращалось совсем, и тогда я говорил:

– Два часа потратить на идиотскую телеграмму! Кому она нужна! Давно были бы в Пятиизбянках.

Как по-разному переносим солнце, комаров, захватываем или уступаем удобное место, готовясь к ночи, обнаружилось в первые же дни. Мои напарники новички. А я-то знал, как действует непрерывное солнце при десятичасовой гребле! Но вот и солнца нет, и походным нашим отношениям скоро конец, и шлюпка от этого, конечно же, лучше не движется, а остановиться не могу – показываю самые дурные черты характера. Ночной ли страх, напряжение ли это на руле или вспышка раздражения из-за того, что полужанней моих не хватает, чтобы найти с моря в темноте поселок, который я видел много лет назад, но сам я себе становлюсь невыносим.

Почему-то возмущает меня не Шорников, а два других моих напарника, которые дали Игорю потратить время на телеграмму.

Самый старший из нас и самый покладистый. С него все скатывается. Заснет там, где заснет. Подойдет очередь – будет грести. Почти не обижается, но все-таки обижается.

Он сидит на носу на спальных мешках. Беспokoится только тогда, когда видит встречный корабль – боится, что не разминемся.

– Г'ебята! – кричит он. – «Г'акета»!

Чувствуя в голосе зуд, я наношу удар, прекрасно понимая, что бью ниже пояса:

– Трудно поверить, что во время войны вы были разведчиком. Никак не научитесь отличать «ракету» от «метеора».

от плотов тянет ладаном, а наверху ясно звучит радио, хотя до него, по моим расчетам, не меньше полутора километров. Залитые водой плетни не дают подойти к берегу. Испугавшись столкновения с кораблем, мы ушли с фарватера, мачту сняли, и весла время от времени цепляют кусты. Идем по мелкому, следовательно, не опасно. Но подводные кусты в темноте именно и кажутся опасными, и мы опять отворачиваем туда, где катятся корабли.

Небо – гигантское. Днем оно не бывает такой глубины. Слышно, как по фарватеру

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
катятся корабли. Ночью особенно понимаешь, почему о них так говорят речники.

Капитан самоходки, которая везла нашу шлюпку в Вешки, делал долгие остановки. Дневка была в станице, из которой он родом. Вернулся он в сопровождении родственников и собак. Собаки, не обращая на нас внимания, первыми взбежали по сходам и поднялись в рубку. Словно знали, что капитанские. У капитана был излишек спокойствия. На своей вахте он доверял штурвал сыну, двенадцатилетнему мальчику. Мальчик штурвал перекручивал, и самоходка шла враскачку. Из-за этой раскачки мы и останавливались: самоходка толкала перед собой нефтеналивную приставку, раскачкой растягивало крепежные тросы, их надо было заново перетягивать.

Со вспышкой света и звуком винтовочного выстрела трос порвался ночью на подходе к Цимле.

– Не надо было колесо крутить! – закричал шкипер нефтеналивной, словно ждал этой минуты. Он крикнул это помощнику капитана, который прибежал на звук лопнувшего троса. И тот, не находя других ругательств, ответил:

– Шкиперишь и шкипери!

Ему было тем более обидно, что это не он «колесо крутил».

Выскочила жена шкипера:

– Сожжот нас! – закричала она. И сразу стало видно, как много раздражения накопилось у всех.

Капитан следил за всем этим из рубки, командовал редко, но покрикивал все же:

– Быстрее, быстрее, потом доругиваться будете!

На уцелевшем тросе нефтеналивную разворачивало носом к нашей корме, кормой к нашему носу. Все ждали, пока она ударится о борт.

Капитан включил сирену и прожектор. Сирена завывала устрашающе, по ночному. Несколько раз провел прожектором от рубки до носа – сам себя осветил, чтобы подходившие к каналу корабли видели, как его тянет на яр, разворачивает, что он ничего не может поделаться и просит подождать. Шел дождь, прожектор выхватывал серые струи, а между этими густыми струями – бесконечные вспышки насекомых.

А из канала и к каналу шли две больших волжских самоходки. Ни в носовой, ни в средней части у этих теплоходов нет жилых помещений – только грузовая палуба и грузовые трюмы. В рубках темно – свет штурвальным был бы помехой. И лишь сигнальные огни: верхний – белый, правый – красный, левый – зеленый, – горели на них. Теплоход, подходивший снизу, сбрасывал ход и еще затормозил, увидев наши сигналы, но остановиться совсем отказывался и так катился медленно к нам всей своей огромной темной массой, которая в несколько раз превосходила массу нашей самоходки. С теплохода, шедшего сверху, на секунду включили прожектор, ударили по нашему корпусу, но тут же выключили свет, чтобы не мешал команде работать. Нефтеналивная стукнулась о наш борт, и капитан закричал шкиперу:

– Закрепляй так! Ставь руль на ноль. Прощлюзуешься под бортом, а в порту я тебя сброшу.

– Все горючее в яр спустим! – Закричала жена шкипера. – Всю корму нам разворотил, еще немного и до горючего бы дошел. Мореходы! А кормой как вести! Разобьемся в канале, сгорим!

Но шкипер, осознавший, как плохо все складывается для него, прикрикнул на неё, подал канат и бросился в рубку закреплять рули.

Капитан не слушал. Он сдерживал баржу на течении, стараясь удержать ее между двух огромных кораблей, которые расходились, оставляя его на струе третьим. Мотор нашей самоходки гудел, и нам не были слышны машины теплоходов. Казалось, они катятся бесшумно: один против течения, другой – по течению.

Случай этот не убавил капитану спокойствия. И до Вешек мы шли, так же часто

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
делая остановки, и так же грубо на капитанской вахте виляла самоходка.
Капитанское спокойствие утомляло, и распрощался я с самоходкой с облегчением.

В шлюпке-четверке на, четверых, свела одна и та же идея: житейское напряжение «снять» напряжением походным.

Шлюпка-четверка – это рулевой и четверо гребцов. В дальнем походе гребцам нужна смена. Мы гребли по двое. Третий сидел на руле, четвертый отдыхал. Непрерывное солнце сразу же превратило нашу двойную нагрузку в двойную перегрузку. Нам бы чаще останавливаться, отдыхать. Но как только мы почувствовали вес одного километра ан веслах, расстояние над нами взяло власть, и мы шли и шли, пока не начинались споры о том, где остановиться на ночлег и в какую станицу зайти за хлебом, а какую миновать. О том, что споры начнутся, я знал и обрадовался, когда один спорщик сказал другому:

– Это твои эмоции.

Перед походом я обещал себе отбиться от собственных эмоций, но, видно, пришла моя очередь. Ядовитая и совершенно бесполезная пронизательность настигла меня.

– А вы порядочный филон, – сказал я Шорникову. – Вы же почти не гребете. Это из-за вас мы потеряли столько времени.

Хочешь отбиться от собственных эмоций – не раскрывай рта. Несдержанность можно оправдать возмущением. Но возмущение тоже надо чем-то оправдывать. Остановиться было невозможно. Я обличал напарников – это «выходил» страх после того, как я сам чуть не завел шлюпку под корабль. А ведь, казалось, давно обжился в перегрузках! Прекрасно знал, как это бывает, и не мог удержаться.

«Из-за Шорникова, – думал я, – болтаемся ночью на фарватере. Ему приходится притворяться спокойным. А бывший разведчик „ракеты“ от „метеора“ отличить не может. Что с него требовать!»

Почему меня утомляло спокойствие капитана самоходки, я мог бы объяснить. Но зачем мне беспокойство моих напарников?

«Вот передам кому-нибудь руль, – мстительно распаял я себя, – тогда ищите этот проклятый поселок и разбирайтесь в фарватерных и ходовых огнях».

В Калаче нам сказали, что к полуночи за приставкой к Пятиизбянкам подойдет волжская самоходка «Волгоград». Когда мы выходили из Калача, «Волгоград» был еще в Волго-Донском канале. С самого начала мы ввязались в гонку с мощным кораблем. Он шлюзовался на подходах к Калачу, а мы вышли, ловя вялым парусом ветерок из каждой долинки. Потом, задержанные репродуктором, топтались возле Кумской, а «Волгоград», должно быть, полным ходом подходил к Пятиизбянкам. С того момента, как шлюзы перестанут его задерживать, восемнадцать километров он пробежит за полчаса.

«А все нерассуждающая бюрократическая привычка, – с ненавистью думал я о Шорникове. – Бессмысленный поступок, и, пожалуй, бессмысленный надрыв. Выйди мы вовремя, и дома оказались бы раньше, чем туда пришла бы эта никому не нужная телеграмма».

Вот чего мне не хватало – чтобы бывший разведчик и другой мой напарник осудили Шорникова. Чтобы так же ярко, как я, почувствовали неприятности, которым нам грозит ночное плавание. Но они не осуждали Шорникова. И почувствовать столь же ярко не могли, потому что вообще не разбирались в фарватерных огнях. И это мне, а не им, надо было искать поселок, в котором никто из них не бывал ин разу. И в море они вышли, доверяя моему опыту. И вот чем это едва не кончилось и ещё неизвестно, чем закончится.

В небе была засасывающая глубина и холод. А береговая темнота делалась все более неживой и безлюдной. Эта темнота и заставляла нас поворачивать назад. Над Пятиизбянками, по моим расчетам, должно было быть электрическое зарево. ли хотя бы слабое сияние. А тут темнота, которую огоньком спички никто не тревожил. Мы углубляемся в темноту, а Пятиизбянки остаются в стороне или за кормой, и на встречу с «Волгоградом» нам к полуночи не поспеть.

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru

Когда темнота становилась непроницаемой, мы поворачивали назад, к Кумской. Так кружили несколько раз. И раздражение мое тоже кружило, все время возвращаясь к Шорникову. Это он всегда лучше других знал, где надо останавливаться на ночлег, это он, ввязываясь в спор, никогда не уступал, как бы ни был мелок повод для спора. И это он в последнюю нашу дневку перед Калачом выбрал чужой перемет.

И раньше мы видели чьи-то рыбацьи снасти, но никогда не трогали их. А тут в решимости Шорникова появилось что-то такое: «Плевать! поход закончен».

Хозяин перемета с вечера приезжал к нам на лодке. Это был мужичок с вывернутыми ушами, в подкатанных до колен брюках. Проверить снасти при нас он не рискнул, но уплыть сразу постеснялся. Над водой, над берегом густо летали стрекозы. Он сказал:

– Они этих, оводов, бьют. Как появятся – оводов поменьше, а там и совсем не станет. А их воронки бьют.

– Какие воронки?

Он смутился, показал на ласточек.

– Ну, мы их так называем. Которые в береговых норах живут. Эти этих, а те – других. Так и идет.

А утром я увидел, как Шорников тянет перемет. Из воды выходила и выходила черная, просмоленная веревка, на веревке огромные крючки. Шорников забирал ее кольцами в левую руку. Все смотрели на крючки, смотрели косвенно – прямо смотреть стыдно: ворует Шорников и воровство это тянется и тянется. Но и интересно тоже: есть ли на крючках рыба. Рыбы не было. Когда азарт потух, Шорников сказал:

– Браконьерская снасть. Надо уничтожить.

Эта минута охотничьего азарта, которую мы все пережили, и сказала нам, что поход окончен. Но, может быть, все началось гораздо раньше. Иван Васильевич, бывший разведчик, однажды вернулся из станицы, в которую он вызвался сходить за хлебом, посмеиваясь:

– Прекрасный хлеб. Всегда посылайте меня за хлебом.

Рубашка его прилипла от пота к спине. Была его очередь грести. Весло он, как всегда, потянул старательно, а то, что он пил в станичном магазине, путем хлынуло по его плечам и груди. Ничего подобного я не видел: этот обильный пот нельзя было смахнуть ладонью или вытереть платком, но я никогда и не видел, чтобы, готовясь к гребле на сорокаградусной жаре, пили вино.

Я давно знал, на воде пить так же опасно, как, скажем, в воздухе или за рулем. Но не в одной опасности тут дело. Если очень хочется поговорить, зачем идти в кино или на концерт? Я сидел на руле, а рядом со мной истаивал, исходил потом немолодой человек.

– Вас же хватит тепловой удар, – сказал я.

Он сдул с верхней губы очередную струйку пота и, словно настаивая на своей шутке, повторил:

– Вкусный хлеб! Я теперь всегда буду ходить за хлебом.

Он нажимал на слово «хлеб», и было особенно заметно, как неудачна шутка.

Я снял с румпеля руку. Как стрелка на весах, он сразу отклонился в сторону того, кто лучше греб. Так я хотел показать Ивану Васильевичу, что вино обессилило его. Но и обливаясь потом, Иван Васильевич греб старательнее Шорникова.

Я выправил курс и опять безжалостно снял руку с румпеля. В походе следует избегать любых причин, возбуждающих соревнование. Оно приводит к истощению. Но я как-то не утерпел – хотел, чтобы все видели, как Шорников уклоняется от работы. Однако Шорникова колеблющийся румпель не заставлял сильнее наваливаться на

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
весло. Мы невольно ввязывались в соревнование, а он с веслом обращался так, будто оно могло непоправимо повредить его здоровью. Глаз не отводи, словно хотел сказать: «Да, берегу здоровье. А тут у кого-то другая цель?».

– Вы же не получили привычного удовольствия, – сказал я Ивану Васильевичу. – Вино убивает греблю, гребля – вино.

Увидев, как Иван Васильевич обливается потом, я не то чтобы решился – не выдержал. Пил один – отравил всех. Старательности его надолго не хватит. Вино все равно возьмет верх. А главное, та самая житейская нагрузка, от которой мы уходили в поход, настигнет нас, по его милости, здесь. Вот что я собирался ему сказать, но не сказал.

Когда пришла очередь сменить его и Шорникова, мы с моим напарником Володей навалились на весла. Через час усталые, мокрые сели отдыхать, а Шорников опять с осторожностью взялся за весло. Так начался спор и не замечал его, кажется, один Иван Васильевич. Лишь иногда, сидя на носу, он дурашливо вскрикивал:

– Г'ебята! Паг'аход!

.

– Шорников, – сказал я, – садитесь-ка на руль. Ваша очередь искать поселок.

В шлюпочной тесноте мы молча разминулись. Я взялся за весло и почувствовал, как ночной страх и напряжение отходят от меня. Будто вместе с рулем передал их Шорникову. Странное чувство. Оттого, что на руль сел неопытный человек, опасность не уменьшилась, но мне до неё теперь не было дела. Мы ещё менялись, и тот, кто брал руль – брал на себя всё напряжение.

Часа через два впереди замаячило зарево. У него была настораживающая странность – зеркальное отражение. Когда приблизились, рассмотрели, в чем дело: у каждого огня был подводный двойник. И от каждого – по черной воде мерцала яркая дорожка. Длина дорожек показывала, что огни в воде, а не на берегу.

– Рейд, – сказал Шорников.

Я подумал о том же. Но берега из-за темноты не видно, а рейду должны соответствовать поселковые огни.

Фонари на воде казались неподвижными. Мерцало только отражение в море. Однако один неподвижный огонь уже обманул нас. Теперь в каждом огне на воде мы искали скрытое движение. Сигнал невелик, а движение может быть огромным, тысячетонным.

Мы осторожно приближались, и постепенно фонари поднимались над водой – становились видны сигнальные мачты. И все сильнее струилась или мерцала в электрическом свете вода. То ли куда-то низвергалась, то ли обтекала огромный караван. Сами корабли казались брошенными – ни в одном иллюминаторе не горел свет.

Мы подгребали все осторожней, хотя давно уже поняли, что корабли на якоре, но обманывало струение и мерцание воды.

Запахло лесом: сыростью, сосновой корой. Из темноты выступили черные корпуса. Баржи были нагружены бревнами. Давно уже похолодало, а рядом с железными корпусами стало еще холодней. И темнота сгустилась. Вернее, перепады темноты. Сигнальные огни горели тускло – это издали они казались яркими. Воздух в их свете серел, сгущался, сопротивлялся проникновению света. И блики на воде усиливали, а не рассеивали тусклость.

Это был, конечно, рейд. Но надо было убедиться, что это Пятиизбянки и что именно сюда придет, или уже приходил, «Волгоград» за приставкой.

– Эй! – крикнул я.

Никто не ответил. Покричали хором, подождали и поплыли к другой барже. Плыли вдоль бортов, останавливались и кричали, но никто к нам не выходил, никто нас не слышал.

– Спят, – сказал Шорников. – Или на баржах нет команды.

– А кто свет зажигал? – Спросил Володя.

Низкобортная самоходная «ГТ» тоже была нагружена лесом. Тяжесть этого груза особенно наглядна тяжестью каждого ствола. Удивительно было, что баржа не слишком глубоко сидела в воде. Мы кричали порознь и хором и выбрались наверх – на самоходке должна быть команда. Я вылез и отклонился – наткнулся на что-то такое упругое, что не сразу догадался – паутина. Пауки за вечер поработали – лицо заклеивало, как пластырем. Зажег фонарик и поразился: рисунок паутины был точно как рисунок на срезах бревен.

Близость каютного тепла расслабила нас. С самой возможностью распрямиться, идти по палубе, а не сидеть на шлюпочной банке, отыскивая место для ног между скаткой паруса и рюкзаками, уже не хотелось расставаться. Стучали в каюты и кричали настойчиво. Наконец из-за двери сонно отозвались:

– А?

– Это Пятиизбянки? – спросил я.

– Да! – ответил кто-то так внятно и охотно, будто обрадовался неожиданному ночному разговору. И больше – ни звука. Вынырнул из сна и опять погрузился.

На шлюпке грела гребля. Но она же нас истощила. Теперь кожей лица ощущали морозный воздух, идущий от воды, от железных корпусов. Надежда расслабила, а надо было опять садиться в шлюпку и грести к берегу.

Берег сказался скоплением тумана, потом проступил сгустками темноты. В одном из сгустков угадали катер на якорю, потом лодку, вытасченную на сухое. Между катером и лодкой, несомненно, была связь. Проследили взглядом дальше и видели сабо светящееся окно. словно горела не электрическая, а керосиновая лампа.

Открыли дверь и поняли, почему свет был серым. Слабая, без абажура лампочка освещала некрашенные скамейки, затоптанный пол, небеленые стены. Комната была пустой, но из неё вела еще дверь, а рядом с дверью – окошечко, за каким обычно сидит кассир.

Дверь отворилась, и мы увидели худого человека в телогрейке. Он молча смотрел на нас, дожидаясь нашего вопроса.

– Это Пятиизбянки? – спросил я.

– Да, – ответил человек. – Я диспетчер.

Он шагнул, и мы увидели, что одна нога у него на протезе.

– А где же поселок? – спросил я. И рассказал, как мы искали поселок по огням.

Он не сразу понял, о каком поселке речь. А потом сказал:

– Да, там никто не живет.

– Как?

– Брошен, – сказал диспетчер равнодушно, как о чем-то давно прошедшем. – Я здесь один.

Если бы не ночные блуждания, не поиски несуществующих огней, слова диспетчера не так поразили бы меня. «Не жить» можно в комнате, но не в целом же поселке! Я вспомнил, как кружили возле Кумской, как опасались порвать связь с работающим репродуктором, как я сам поворачивал назад, к Калачу, хотя простой здравый смысл подсказывал – не пройдено полпути. И хотя слова диспетчера подтверждали: поселок не был ошибкой моей памяти, но в чем-то и обвиняли меня. Я знал, в чем. В полузнании, в нерешительности. В том, что усталость во мне оказалась сильней,

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
чем это должно быть у человека, берущегося за руль и показывающего дорогу. Что раздражению дал власть над собой, и оно не развело нас только потому, что некуда было разойтись.

Мысли эти не явились внезапно. Просто ещё пять минут назад они были подчинены раздражению.

В молчании Шорникова, в благодушии Ивана Васильевича оказалось больше правоты. Без меня они, пожалуй, быстрее нашли бы этот рейд. Но если это им приходило в голову, никто из них меня не упрекнул.

Много раз я видел, как перегрузка меняет людей. На себе испытывал. Научился отделять мысли, взвинченные раздражением (Раньше эти мысли и казались самыми моими. Чем больше возмущения, тем достоверней, что мои!). А на последний незапланированный переход меня не хватило.

В диспетчерской было холодно, а в спальные мешки влезать не имело смысла. «Волгоград» только что вышел из последнего шлюза и минут через срок будет здесь.

– Но ведь был совсем новый поселок, – сказал я. – Благоустроенные дома.

– Работу планировали, – сказал диспетчер, а её здесь на одного человека. Люди и уехали.

Я вспомнил репродуктор, работающий на полную мощность, плетни, перегораживающие море. Оказалось, что и жители Кумской покинули новые дома и вернулись на старое место. А там, где плетни, в прошлом году было сухо: водохранилище мелело, этой же весной вода пришла.

– Вы здесь живете? – спросил я.

– На дежурство из Калача привозят.

Надо было выходить.

На холоде сразу почувствовал, что давно борюсь со сном. Море за это время стало нестерпимо гладким. Точно льдом подернулось. А под водой – неправдоподобно яркая и тугая луна. Мокрыми от росы стали борта шлюпки, мокрой рукоятка весла. А рейдовые огни в ярком свете луны в ледяном блеска потускнели.

С порога диспетчер показал сигнальные огни.

– Держите вон на ту баржу. «Волгоград» за ней идет.

Рейдовые огни сливались, перекрещивались мерцанием, и мы лишь приблизительно запомнили направление.

– А вон сам катит, – сказал диспетчер.

В неразличимости рейдового мерцания, в локомотивном шуме, доносившемся из глубины моря, в слабости как бы самолетных сигнальных огней «Волгограда», которые никак не связывались с этим шумом, было что-то тревожное. Гул корабельных машин то прямо катился к нам по гладкой дороге, то уходил вдаль, и эхо возвращало его из темноты.

Мы оттолкнулись от берега и ощутили, как отдалилось рейдовое мерцание и приблизился корабельный шум. Он совсем отделился от сигнальных огней и заходил на нас с берега.

– Успеете! – крикнул диспетчер. – Он ещё далеко.

Заметил, как мы заторопились.

Он ещё видел с берега шлюпку, а вокруг нас уже сомкнулась темнота. Ощупью, то находя сигнальные огни «Волгограда», то опять теряя их, пытаюсь сориентироваться по отфыркиванию его машины, мы вышли на мерцавшие рейдовые дорожки.

Баржа, на которую указывал диспетчер, стояла в стороне. Мы причалили к ней и

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
выбрались на ее железную корму. Корма была непривычно голой, без рубки, без помещений для команды, с огромным замком для носа толкающего судна. Два больших кнехта поднимались рядом с этим замком. На такой барже-приставке команда и не предусмотрена.

Красный и зеленый сигнальные огни слепо нацелились на нас. И нельзя было понять, далеко ли «Волгоград» или уже близко. И вдруг ударило по глазам, ослепило. Угасли все звуки. Мы увидели свои отвечающие прозеленью руки. Как во внезапно открывшейся сцене, в яростном свете над баржей навис темный нос. И словно от этой вспышки, рядом с нами ватно откинулась крышка люка, и голый по пояс парень выскочил из трюма. Глаза его блеснули, как у актера, попавшего под сильный свет.

Такие же карнавальные отсветы были в глазах парней, рассматривавших нас с палубы «Волгограда». Казалось, они смеялись над нами. Один из них рассматривал чалкой на самом носу. Я ждал, что он бросит ее парню, выскочившему из трюма. Но матрос сам бросился вперед, и прыжок его поразил меня не меньше, чем неожиданное появление полууголого парня.

Грохнуло железо, и, наверно, не только мое сердце сжалось. Прыжок был в темноту. Железнодорожный сцепщик так не рискует. Попасть надо было меж двух огромных кнехтов, а лететь – над сокращающимся расстоянием между носом и кормой.

Парни сразу же потянули канат, и я увидел, что прыжок был излишней лихостью. Нос «Волгограда» с невозможной для такой махины точностью сам входил в замок приставки.

– Ребята, – спросил я, – где старший?

– А вот капитан, – показал полуголый прямо на рефлектор.

Подниматься надо было по трапу, который уже спустили на баржу, а потом на высоту трехэтажного дома по бревнам, которые вез «Волгоград». Казалось, рефлектор прожектора вращается вокруг своей оси, а вместе с ним вращается и его яростный луч. Совсем ослепнув, мы поравнялись с человеком в форменном пальто, с мегафоном в руках и повернулись к прожектору спиной.

– Нет, – ответил капитан только после того, как мы повторили просьбу. Лишь карнавальный прожекторный отблеск в его глазах говорил, что он, пожалуй, давно заметил нас, оценил, и тем, как появились, как говорили с его матросами, как лезли к нему вверх, мы почему-то не пришлись ему по душе. И я вдруг увидел, как нелепо то, что мы всю ночь гнались за этим кораблем, ссорились, искали Пятиизбянки, карабкались под яростным светом по бревнам и уйдем сейчас по желтой, громадной лестнице и прожектор будет освещать каждое наше неумелое движение.

Словно удивляясь нашей непонятливости или нашему упрямству, капитан сказал:

– Как я вашу шлюпку подниму? На таях у меня свои шлюпки. Я их не сниму, чтобы вашу поставить.

И мы пошли по бревнам вниз. По какой-то родственной похожести, по тому, что их было слишком много на вахте, мы догадались, что матросы на «Волгограде» – практиканты.

Мегафонным радиоголосом капитан сказал нам вслед:

– За мной «Салехард» идет. Может, он вас возьмет.

Парни оглянулись на капитанский радиоголос. В глазах их был все тот же театральный отблеск.

Пока мы отгребали от баржи, прожектор на «Волгограде» потух, угас желтый отблеск сосновых бревен и сквозь слепоту, которая образуется после такой вспышки, пробились красный и зеленый сигнальные огни.

Ещё часа два мы ждали на рейде. Ветер постепенно согнал темноту, и когда пришёл «Салехард», вода была такого же серого цвета, как и окраска его корпуса.

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru

Капитан «Салехарда» оказался благодушным человеком. Он сразу же согласился взять нас на буксир. И я понял, что даже капитаны не всё знают о стихии, с которой имеют дело.

– У вас скорость километров двадцать? – спросил я.

– Ну, – засмеялся капитан, – примерно.

– На буксире вы нам шлюпку разматаете по большой волне. Нам бы наверх ее поставить.

И капитан «Салехарда» сказал мне то же самое, что и капитан «Волгограда»:

– На таях у меня свои шлюпки. Чем я вашу подниму?

– С вашей бы помощью вручную.

И капитан опять засмеялся:

– Я – сердечник. Кто же ее вам будет вручную поднимать! Она у вас тонну весит. Вам надо в порт. Там подъемные механизмы. Она у вас военно-морская. Мои ялы вполовину легче.

Ещё вчера мы думали, е пройти ли оставшиеся километров пятьсот своим ходом. Студенческой командой мы ходили. Но к утру эта мысль полностью вымерла. Мы повернули к Калачу. От воды тянуло сыростью. В досчатых щитах на берегу не сразу можно было признать таинственно мерцавшие ночью створы. Глины на берегу обрывались в воду краем строительного котлована. Старая речная или морская береговая линия не так выглядят. И пока не поднялось солнце, было очень хорошо видно, что это не морская, а речная, илистая вода. Только широко разлившаяся.

В надежде на ветер поставили мачту. Но с рассветом вздохи ветра становились все реже. А когда выкатилось солнце, ветер прекратился совсем. И переход к жаре был мгновенным.

Другого способа уйти от жары не было, и мы сели на весла. Нас медленно обгонял буксир с баржей. С баржи на толстых ржавых цепях свисали старые автомобильные покрышки – кранцы. Палуба напоминала заводской двор. Тумбы кнехтов, остатки ржавого троса, шестеренки подъемного механизма, угольная пыль и кора сосновых бревен, красноватая, в прожилках, закрученная стружкой. С мостика буксира на нас посматривали загорелые мальчишки-матросы, гордящиеся молодой худобой, мышцами и оттопыренными плавками.

Когда машина буксира затихла, мы услышали дальше жужжание. Так в жаркий день жужжит и всхлипывает большой городской пляж. Но откуда ему здесь быть? Оказалось, подплывали к местному дому отдыха.

Часа четыре мы затратили на то расстояние, на которое вчера ушла вся ночь. В Калаче, на дебаркадере, дежурил тот самый диспетчер, который посоветовал нам вчера идти к Пятиизбянкам.

– Ждите, – развел он руками, выслушав нас. – Бывают иногда корабли. Сколько ждать? День. Три... Неделю.

2

Буксирный теплоход, причаленный к дебаркадере, всю ночь стоял с работающим мотором. Просыпаясь, я слышал, как рычит дизель огромного грузовика, но выхлопная труба почему-то направлена в воду. Когда нам отвели койки в этом помещении, Володя открыл иллюминатор. Окно оказалось затянутым паутиной. Он хотел ее смахнуть, но Шорников остановил:

– Комаров будет удерживать.

И я позавидовал его быстрой практической сметке.

Утром мы смотрели, как от дебаркадера отваливает ростовский «метеор». В воздухе была ранняя дрожь, матрос на «метеоре» горбился, отвязывая канат, и пока между «метеором» и дебаркадером не возникла полоска воды, ногой упирался в дебаркадер.

Мужчина в мятом пиджаке докуривал на корме папиросу. Пассажиров было мало, сквозь стекла мы видели, как они устраивались в креслах.

На дебаркадере не было провожающих, а капитан в своем стеклянном колпаке не торопился, и будто не мотор, а течение и ветер разворачивали корабль носом к морю. Широкий привальный брус, казалось, лежал на воде. Но вот пошёл вверх, а к дебаркадере пришла прямая, длинная волна.

– Через двенадцать часов в Ростове, – сказал Шорников.

– Кофейку бы сейчас, – сказал Иван Васильевич.

Когда собирались в поход, Володя сказал мне об Иване Васильевиче: «Для меня письменный стол – рабочее место. Для него – образ жизни». Сложилось это так давно, что было поразительно, как Иван Васильевич решился что-то поменять. Ученые труды его достигли таких размеров, когда удивляет, что это сделал один человек. Крупные специалисты считали его талантом. А мы сверх того могли примерить на себе его образ жизни.

Сквозь этот образ жизни многое в Иване Васильевиче светило нам ярче, чем через его работы.

Дело, конечно, не в папиросах «беломор-канал», не в невероятном количестве кофе, не в «хлебе», который Иван Васильевич позволял себе чаще, чем мы. Ему уже нельзя было сказать «курил бы поменьше». Кое-кто из нас не курил совсем. Но результатов таких не достиг никто.

И было еще одно. У такого беззлобного человека совсем не должно быть врагов. Однако неприятности его были обширны и разнообразны. И если все мы поездкой на шлюпке хотели разорвать цепь напряжения и нездоровья, то Иван Васильевич, считали мы, нуждается в этом особенно.

Дебаркадер был ни нов, ни стар. Ему было лет восемнадцать. Его и подкрашивали, и мыли из шланга, но запах, который завелся под досками настила и обшивки, говорил о старости. особенно силен он был возле касс и камеры хранения и в нашем трюмном жиллом помещении. Запах старости на кораблях – трюмный запах.

И место свое дебаркадер уже обстоял. Что-то рядом с собой надолго затенил, сам ни разу другими местами к солнцу не поворачивался.

Много лет назад он мне показался первоклассной пристанью. Теперь было видно – весьма средний дебаркадер. С корабельными лестницами – узкими, крутыми. С буфетом, в котором мы скоро стали узнавать завсегдатаев.

Перед дебаркадером – базарчик, живущий по расписанию пассажирских пароходов. Чуть дальше – рабочая столовая. Все как когда-то, только время схлынуло.

Поток ли времени оставил следы, или память светила, но что-то я угадывал в ленивых теперь уже движениях порталных кранов, в песке на железнодорожном переезде, в пожилом вахтере, дежурившем у входа в грузовой порт. Слоняясь в ожидании корабля, мы несколько раз проходили мимо, и он только однажды спросил, кто мы такие.

Мы сами чувствовали свою приметность. Заросшие (только Иван Васильевич сразу отправился в парикмахерскую), с загаром, который бывает лишь при круглосуточном пребывании под открытым небом, в мятых, выцветших спортивных костюмах мы, в довершение всего, были и не молодыми людьми.

Плотная женщина с манерами местной матери-командирши голосом, который она и не думала приглушать, сказала двум своим спутникам – майору и подполковнику:

– Не наши люди.

В диспетчерской мы быстро всем намозолили глаза. Наш загар, должно быть, раздражал представлением о праздности. Даже молодой диспетчер Александров, который советовал нам плыть к Пятиизбянкам, отворачивался теперь, когда мы входили. Желая нам помочь, он как-то сказал старшему диспетчеру:

– Вот тут преподаватели ростовского института...

Но старший диспетчер, никого не выделяя, взглянул поверх набившихся в комнату речников:

– Выйдите, не занимайте дорогу.

Капитану теплохода, разговаривавшему по служебному телефону, он сказал:

– А вы давайте закругляйтесь с разговорами по телефону.

– Я с Ростовом говорю.

– Так что же что с Ростовом.

И мы вместе со всеми пошли из диспетчерской.

На лестнице-трапе Шорников пропустил нас:

– Я долго здесь не буду сидеть. Дома у меня... дела. Четверым тут делать нечего. Грузовым кораблем шлюпку может отправить и один человек.

– Так почему этот один – не ты? – спросил Володя?

Шорников не ответил. Словно уже отделившись от нас, он спустился в трюм.

На площади перед дебаркадером в ожидании катера или парохода на длинных скамейках сидели пассажиры. Мы тоже присели. Старик в стертой до потери цвета казачьей фуражке разговаривал с внуком. Вернее, слушал его. Но внуке была новенькая суконная форма какого-то технического училища. Дед равнодушно смотрел в сторону и не взглянул вслед, когда внук ушел. Из кармана лампасных брюк он достал складной нож, из хозяйственной сумки – пряник; сточенным, словно обсосанным лезвием отрезал от пряника кусок и положил его в рот. Все так же равнодушно глядя в сторону, спросил у соседа, читавшего газету:

– Ну, что там пишут? Хорошо наши своих бьют? Как в гражданскую войну?

И сразу странное оцепенение овладело всеми. Сосед, собиравшийся было ответить, закрылся газетой. Кто-то, выждав минуту, поднялся со скамейки, а дед – сухой, узкоплечий, со светлыми, давно слинявшими свою голубизну глазками продолжал спокойно:

– В четырнадцатом взяли австрийский город, вошли в первые улицы, а они стрелять из окон. Есаул вывел нас из города, развернул батарею. Говорит: «ребята, это все евреи». И по городу из пушек.

Он отрезал ещё кусок пряника, а человек, читавший газету, пересел на другую скамейку. Старик даже не проводил его взглядом. В голосе у него не было сомнений, а взгляд остался равнодушным. И я подумал, что с самого начала меня заинтересовал этот равнодушный взгляд. Ведь с внуком дед прощался, а смотрел мимо.

– В газетах про это не пишут? – спросил старик, хотя спрашивать было некого.

И вдруг Иван Васильевич, который не слышал старика или не прислушивался к тому, о чем он говорит, закричал, страшно картавя:

– Г'ебята, посмот'гите, какой па'гоход!

Все посмотрели не на пароход, а на старика. Но не прямо, а косвенно. А я даже вздрогнул. Дался Ивану Васильевичу этот пароход!

В трамвае, троллейбусе Иван Васильевич мог слепо сесть рядом с пьяным, не замечая, что место потому и пусто, что каждый его обходит. Если в компании или просто близком окружении оказывался человек, глупость которого была заметна всем, Иван Васильевич чаще всего именно к нему и обращался. Словно совсем не учитывал его глупости, нелепых реплик, неуместного смеха. С глупым говорил так,

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
будто тот умен, тонок и остроумен. Беззащитность перед глупостью или
назойливостью у Ивана Васильевича была так велика, что казалась мне недостатком
инстинкта самосохранения. Ответной злобности в нем не вызывал даже направленная
против него злоба. О людях, казалось мне, у него было завышенное, или – что
почти одно и то же – заниженное мнение. И к злодею он отнесся бы так, как если бы
тот не подозревал, какой он хороший человек. Или не властен над злом, которое от
него исходит и потому не виновен.

Я как-то сказал ему об этом. Он ответил:

– Любишь ты бородой трясись...

Его манера говорить утомляла меня своей неполнотой. Пристанут к нему, чтобы
рассказал, как воевал в разведке, а он ответит что-нибудь очень уж
несущественное:

– Это не для боящихся скуки.

– То есть?

– Ждать приходится долго.

Терпимость его, кажется, ничто не могло утомить или заставить врасплох. Она
поднимала его над прошлой работе в разведке, над нынешней его работой, над
нашими походными неожиданностями. Как будто он все время помнил что-то более
важное. Но что? И почему у меня перед этой терпимостью смесь уязвленности и
превосходства?

...От дебаркадера через площадь шел старший диспетчер. Лицо у него было таким, как
будто не нам только, а всем сидящим на скамейках он сказал: «Выйдите, не
занимайте дорогу».

Старик-казак проследил за ним своим равнодушным взглядом и отрезал пряник. И я
поразился тому, как этот взгляд нас распугал. Дед, может, даже выжил из ума. Но
что за сила в злобе, неужто какая-то правота!

– Обедать пошел, – кивнул Володя на диспетчера. – Пора и нам.

В буфете на дебаркадере, продавщица говорила парню с синяком под глазом:

– Я думала, ты уже не придешь.

– Я и побоялся, тетя Тося, что ты мне запишешь прогул, – ответил парень с
обаполком. Он был матросом с того самого буксирного теплохода, который всю ночь
стоял у дебаркадера с работающим мотором. Чтобы мы не пилились на его синяк,
парень, на всякий случай, взглянул на нас с угрозой.

Из буфета спустились к себе в трюм. Шорников лежал, закинув руки под голову.
Койка его была аккуратно заправлена. Лежал он на соседней, пустующей. «Чтобы
свою не мять», – догадался я. Взглянув на Ивана Васильевича, я по лицу его
понял, что он сейчас скажет:

– Г'ебята, – сказал Иван Васильевич, – Пусть Игорь едет! Да? Сп'гавимся! Г'гести
уже не нужно. А у него дома дела.

– Во-первых, – сказал Володя, – Грести нужно. К кораблю шлюпку подгонять. От
корабля. Не исключено, что корабля вообще не будет. Да и не в этом дело.
Завтрашним «метеором» и я могу уехать. У меня тоже дома дела.

– Иван Васильевич, – сказал я, – если бы вы сели играть в карты, вы бы
обязательно проиграли партнеру, чтобы его не обидеть. Увидели бы, что партнер –
шулер, и шулера не стали бы обижать.

Не Шорников, чувствовал я, а я чем-то не по душе Ивану Васильевичу. Конечно, я
виноват. Не надо было показывать это шутку с румпелем. От нее все и пошло. Но я
всегда считал, что нет большего греха, чем филонство и неартельность.

– На войне, – сказал я, – вы, небось, были пожестче.

Иван Васильевич выбирал из смятой пачки целую папиросу.

– В моральном приговоре всегда есть покушение на силу. «Я – лучше». Да? А уж если говорить о войне, то там все моральные приговоры пересматривались.

И я подумал, что таким, каким уходил в поход, домой вернется, пожалуй, только один Иван Васильевич. В двадцати-тридцатидневных шлюпочных походах это редко кому удавалось. Вот что меня всегда удивляло.

З

Днем мы уже не решались заходить в диспетчерскую. Там был старший диспетчер. Как-то спросили Александрова: «А что если нам обратиться к старшему диспетчеру?» Александров усмехнулся: «Да, он велел не пускать вас на порог».

Корабль мог сюда придти только в том случае, если в порту накопятся грузы. Грузов не было, и корабли по-прежнему от шлюзов катили прямо к Пятиизбянкам. Не было бы так досадно и время не казалось бы таким пропащим, если бы мы не чувствовали этого непрерывного движения по фарватеру, если бы не дразнили нас вечерние и утренние ростовские «метеоры».

Я даже подумал, что это судьба наказывает нас. Дней десять назад, вымотанные встречным ветром и греблей, мы едва устроились на ночь в спальнях мешках, как на той стороне реки загудел автомобильный мотор, хлопнула дверца и кто-то торопливо позвал:

– Григорьев! Андрей! Андрей Петрович!

Он кричал долго и настойчиво, будто чувствовал наше присутствие в темноте. Забота, конечно, могла быть пустяковой, рыбацьей, а мы были слишком изнурены, чтобы спускать тяжелую шлюпку. Но когда торопливо хлопнула дверца, загудел мотор и все стихло, мы долго лежали без сна, а утром хуже думали друг о друге, чем за день до этого. И утро началось плохо. На берегу я увидел растерянного Ивана Васильевича. Он показывал нам бесформенный комок перьев, к которому не решался подойти.

– Не думал, что попаду, а попал, – сказал он.

Это был вывалившийся из гнезда крупный, рыжий птенец коршуна.

– Дурацкая вещь, – сказал Иван Васильевич, – была палка в руках, я и кинул. Стоет ведь не б'госал.

– Как же вы так! – не удержался я.

Птенец, выпавший из гнезда, все равно погиб бы. Но мне не хотелось утешать Ивана Васильевича. Ведь какая охотничья сила оказалась в броске! А то, что за минуту перед тем он её в себе не подозревал, может, и было самым неприятным.

.

Александрова мы застали на ночном дежурстве на четвёртые сутки.

– Вы ещё здесь! – устало удивился он, и я почувствовал – приходит наш шанс. Александров нашей усталостью утомился и сейчас захочет от нее освободиться. Он не забыл, что посылал нас к Пятиизбянкам.

– А груз вы свой в бухгалтерии оформили? – спросил он.

И началась беготня. Искали дежурного в отделе перевозок. Искали крановщика, который спустился куда-то перекусить или вздремнуть.

Уже поставили в ведомости печать, уже Александров по телефону передал распоряжение, чтобы идущий по каналу теплоход «Иртыш» повернул от тринадцатого шлюза к Калачу, уже сам Александров куда-то отлучился, а стропальщики никак не могли найти своего крановщика.

Он появился и полез по трапу вверх. А мы побежали перегонять шлюпку от

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru

дебаркадера к стенке грузового причала. Кран ожил. Вспыхнул прожектор, и в глазах стропальщиков, Ивана Васильевича, Володи, Шорникова появился знакомый театральный отблеск. За пределами прожекторного луча темнота сгустилась. В темноте оказалась будка крановщика, из темноты спускался ярко освещенный массивный крюк. Причальная стенка мешала крановщику увидеть шлюпку, и она вместе с ярко освещенным крюком тоже поднималась из темноты. С ней сливалась вода. Должно быть, в прожекторном свете менялись расстояния. Крюк вместе со шлюпкой качнуло в сторону какого-то землечерпального приспособления, которое лежало тут же острыми лапами вверх. Одна из лап могла обесмыслить всю нашу спешку. Но деревянное днище прошло в сантиметре от нее.

Теперь мы всматривались в темноту, из которой должен был появиться «Иртыш». Мы прислушивались к запаху воды, к холоду, который от нее шел. Вместе с нами ожидали крановщик и стропальщики. Подойдет корабль к причалу, крановщик опустит шлюпку, мы перейдем на палубу и в то же мгновение можно будет продолжать плавание.

Мы помнили, как неожиданно возникают из темноты огромные корабли, и ждали «Иртыш» каждую минуту. Первым утомился крановщик. Он выключил прожектор.

– По времени давно должен быть, – крикнул он нам сверху. – Сходите, узнайте.

В диспетчерской Александров минуту молча нас рассматривал.

– «Иртыш» пошел к Пятиизбянкам, – сказал он.

– Капитан не получил вашего распоряжения? – спросил Шорников.

Александров молчал, и я догадался.

– Не захотел поворачивать к Калачу?

Александров кивнул.

– В Калач крюк небольшой, но скорость теряется. Команде премия нужна.

Он усмехнулся. Это была не только наша, но и его неудача. Она нас чем-то равняла.

– Что же теперь? Всё? – спросил Володя.

Александров опять помолчал.

– Через час должен быть «Соликамск». Я передал, чтобы его обязательно завернули на Калач.

– А если не послушает?

Александров пожал плечами.

Протомившись минут сорок, мы пришли в диспетчерскую. Мне показалось, что в глазах Александрова мелькнул прожекторный отблеск.

– Идет! – сказал он нам.

– Повернул? – спросил я.

Александров кивнул. Это был уже и его азарт.

Опять крановщик зажег прожектор, поднял шлюпку. Она висела наготове на ярко освещенном крюке. Опять мы всматривались в темноту, прислушивались к ночному дыханию воды. Опять бегали в диспетчерскую. Александрова не было. Он явился минут через десять. На нас не смотрел.

– Попробуем ещё, – сказал он. – И «Соликамск» не согласился.

Он позвонил при нас на шлюз, кого-то распекал, кем-то возмущался, выслушивал чьи-то оправдания.

– Не выпускайте из шлюза, пока не согласится!

Нам он сказал:

– Ерунда, конечно. Как е выпустишь!

– Значит, – сказал Володя, – надежда только на сговорчивость капитана?

– Александров внимательно посмотрел на него и опять потянулся к телефону.

– Слушай, – сказал он в трубку, – у тебя «Ангарск» на подходе? Подержи немного в канале. Я сейчас к тебе груз пришлю.

Он повернулся к человеку, которого я до этого замечал только боковым зрением и которого по замасленной кепке считал кем-то вроде судового механика.

– Третьи сутки люди не могут уплыть, – сказал ему Александров.

– Четвёртые, – поправил Шорников, и все мы посмотрели на того, кого я посчитал судовым механиком.

– Четвёртые, – согласился Александров. – Тебе утром надо быть в Волгограде. Возьми их на борт, прошлюзуйся, подожди «Ангарск» у тринадцатого, погрузи их на корабль и иди на Волгу.

Человек поднялся со стула, на котором все это время молча сидел, и я увидел, что это худощавый парень лет двадцати пяти с очень сосредоточенным выражением лица. Сосредоточенность беспокоила меня. В ней не было нам места. Он договаривался с Александровым, когда надо быть на Волге, какую нефтеналивную баржу брать на буксир, а я ждал, когда же он спросит, какая у нас шлюпка и как мы думаем её грузить на «Ангарск». Александров, считал я, устал и хочет от нас избавиться. Он забыл, как посылал нас к Пятиизбянкам и что из этого получилось.

– Это Бобенко с буксирного теплохода, – сказал нам Александров и замахал руками, когда мы стали его благодарить: – Идите, идите!

Мы шли за Бобенко, а я думал, что нам нельзя уплывать из Калача. Все кончится, как в Пятиизбянках. Я сказал об этом Ивану Васильевичу. Он ответил:

– Все-таки попытаемся.

При свете кранового прожектора я увидел, что кормой к нам стоит тот самый «БТ», мотор которого мы слышали по ночам у себя на дебаркадере. На палубе у него была военная теснота. Для шлюпки место нашлось лишь возле железного кожуха трубы. Как только отошли, затрясло, как на танкетке или в грузовике на бульжной дороге. Работала слишком мощная для такого корпуса машина. С палубы нас сдуло. Сунулись было к штурвальному, но в рубке негде повернуться. К тому же за рулем стоял парень с обаломом. Должно быть, крепко на что-то наткнулся – синяк не спадал. Прошлым вечером он бродил по дебаркадере в поисках укромного места и фыркал, встречая нас в этих местах, потому что бродил не один.

Иван Васильевич тогда сказал:

– До войны мы жили рядом с железнодорожной станцией. У нас тех, кто любил посудачить, кто выходил гулять на вокзал, называли «угловые», «бановые». «Угловые» – было понятно. Стоят на углу. А вот немецкое слово «бангоф» – вокзал – я узнал потом. И удивился. Что за причуды языка! Почему «бановые», а не, скажем, «вокзальные»?

– Эти тоже «бановые», – показал я тогда Ивану Васильевичу на парня с обаломом и его девушку.

– Не знаю, как их здесь называют, – сказал Иван Васильевич, – но вижу их здесь постоянно.

– Это понятно, – сказал Володя. – Тут пароходы из Москвы, с Волги. Пароходная музыка, пассажиры, пароходные буфеты. Я понимаю тех, кого у вас называли

«бановыми».

В тот вечер мы невольно мешали парню с обаполом. Да и другим «бановым» тоже. Поэтому я не вошел в штурвальную рубку. Чтобы укрыться от ветра, присел за шлюпкой. Здесь уже был Володя. Тусклого света сигнальных огней едва хватало, чтобы как-то обозначилась палуба. За бортом сразу же начиналась темнота. Оттуда срывался ветер. Вибрация показывала, с каким напряжением корабль его преодолевал.

Недаром я опасался сосредоточенности Бобенко. С тех пор, как погрузились он не показывался. Не у кого было спросить, туда ли нас везут.

Я поднялся и попробовал качнуть шлюпку. Она не шевельнулась. Нажал изо всех сил – никакого ответа.

– Пробуешь, как будем грузить вручную? – спросил Володя.

Я кивнул.

В этот момент нас позвали:

– Капитан просит его извинить, – сказал матрос, – он отдыхает. Прошлую ночь не спал, а этой – по каналу идти. Тоже не спать. Я вас провожу в нашу кают-компанию.

Дверь матрос отпирал ключом. Это была маленькая каюта с двумя скамейками от стены до стены. На одной я попытался лечь. Это оказалось невозможным – так коротка и узка была скамья. А звуки, которые на палубе срывало и относило ветром, в каюте-ящике грохотали и перекатывались от стены к стене. От вибрации ныли зубы, а звуки уже через минуту грохотали и перекатывались в голове. Их словно нагнетало чудовищным вентилятором. Вой его был слышен за стеной. Я подумал о капитане, который отдыхал в этом вое. Легче мне не стало, и я опять вышел на палубу.

Корабль вспарывал воду, и в ветре, которым меня ударило, было два слоя. Сырой, теплый, хранящий память о дневной жаре – и ночной, холодный. Теплый рождался тут же, под бортом, мыльной пеной таял на щеке. Холодный приходил из дальних пространств. На шлюпке ощущение собственной малости перед огромностью этих пространств не было таким значительным. Должно быть, оно проявлялось на машинной скорости, на железной палубе, где невозможно укрыться от ветра.

Скорость, однако, была невелика. Корабль вибрировал от напряжения. Но не уходил от сопротивления воды. Толкач, приспособленный для буксировки тяжелых грузов, он словно искал это сопротивление, зарывался носом поглубже, ревел, как буксующий грузовик. Казалось, огромная мощность машины, заключенной в маленьком неуклюжем корпусе, расходуется впустую. И наше нетерпение усиливалось противоречием между машинным грохотом и медленным движением.

Володя тоже вышел на палубу.

– Шума не выдержал? – спросил я.

– Да, – сказал Володя, – на этих кораблях нам не плавать! А капитан отдыхает!

Мы укрылись за шлюпкой и стали следить за приближающимися огнями тринадцатого шлюза. Они горели ярко и ярко отражались в черной воде. Это была будто праздничная иллюминация, а не просто сигнальные огни. И была в ней правда. Необычности в ней не убавилось от того, что строительство закончилось давно.

Огни созревали, наливались светом, отделялись друг от друга. Чернота вокруг них становилась глубже. И вдруг обозначилась поверхность воды. Мы вышли на неё из полной темноты.

Потом среди неоновых сигнальных ламп я разглядел две слабые простые лампочки. Это был вход в тринадцатый шлюз. «БТ» сбавил обороты, мы услышали тишину, которая вот-вот отзовется гулом. Ворота шлюза были открыты. Но «БТ» почему-то не стал в них входить, и мы с Володей направились в рубку, узнать, в чем дело.

Эй! Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru

– Ушел «Ангарск», – сказал нам Шорников. – Выпустили из шлюза. Вон ворота еще открыты.

В рубке скопилась керосиновая вонь. Облако собственного дыма догнало «БТ».

– По радиации сообщили, – сказал Иван Васильевич.

Видно было, что они с Шорниковым обжились в рубке. Рулевой с обалодом сверкнул на нас опухшим глазом, как на людей, о которых он знает больше, чем они о нем.

– Как назло! – сказал Володя.

Я представил себе пятьсот километров, которые нам все равно придется пройти самим. Начаться они могут прямо отсюда. И я ужаснулся. Ожидание в Калаче нас расслабило.

Связались с Калачом, ждут, что скажет Александров, – сказал Шорников.

В рубку заглянул высокий человек в фуражке с «крабом». Кивнул рулевому:

– Идем в Пятиизбянки, – и объяснил нам: – Велено догнать «Ангарск».

Он усмехнулся и исчез. Через минуту взревела машина, копоть пошла прямо от воды. Потом потянуло сквозняком, озоном, вспененной водой, опять на щеке стали таять мыльные пузыри, ударило холодом. И вновь от воя чудовищного вентилятора под палубой заложило уши, пропало желание разговаривать.

Рулевой иронически взглянул на нас с Володей. Ивана Васильевича и Шорникова он уже считал за своих.

Мне тоже захотелось почувствовать себя своим. Я крикнул:

– Догоним?

У парня было своё представление о самолюбии. Он не ответил. Я знал эту манеру. «Надо? Ещё спросишь!» Парню был непривычен разговор, в котором не было подковырщика и подковыриваемого, и он переводил его в привычный для себя тон. Я еще раз крикнул. Поглядывая на Ивана Васильевича и Шорникова, словно делая их свидетелями своей победы, он ответил:

– Ну, он же в Пятиизбянках задержится...

– Зачем?

Ещё иронический взгляд в сторону Ивана Васильевича и Шорникова:

– Приставку брать.

Парень взял свое и оттаивал:

– На одной машине идем.

Я не понял, и он объяснил:

– Вторую включить – по дороге догнали бы.

О существовании двух машин на корабле я ничего не знал и даже не был уверен, что меня не разыгрывают. Я забеспокоился. Если это был розыгрыш, он достиг цели.

– Почему же вторую не запускают?

Парень опять долго не отвечал.

– Нельзя.

– Почему?

Он ещё дважды повторил «нельзя» прежде, чем объяснил:

- Вторую включаем, когда с грузом идем.
- Сейчас тоже причина есть.

И вновь парень иронически посмотрел на меня своим опухшим глазом:

- Без капитана нельзя. А он отдыхает.

Подбитый глаз его не смущал. Пожалуй, даже придавал вальяжности.

Теперь все пристально вглядывались в темноту, словно надеясь увидеть сигнальные огни «Ангарска». Однако за тускло освещенной палубой сразу же начиналась чернота. Лишь время от времени радом с бортом вспухали светло-серые полосы. Это были усы – пена от носового буруна.

Я устал перекрикивать машину, но в рулевом только открылась доброжелательность. Посверкивая подбитым глазом, он делился:

- Девчат везде много! В Вешках были, пошли на танцы, потом привели с товарищем в каюту двух. Выпили, товарищ отшлюзовался, а я все никак. Только к ней, а она: «Не трожь меня, я спать хочу...»

Я показал на уши, подвигал челюстью – заложило, ничего не слышу. Но парню хотелось говорить, и он продолжал в том же духе...

Огни Пятиизбянок узнали сразу. на рейде будто ничего не поменялось. Но загадочности поубавилось, и вода не струилась таинственно.

Огни вырастали быстро. Мы искали сигналы «Ангарска». Но их не было. Из диспетчерской сообщили, что «Ангарск» уже ушел.

Пока через диспетчера связывались с Александровым, рулевой поглядывал насмешливо. Он-то останется на корабле, а мы – очень может быть – сгрузимся прямо на воду и отчалим в темноту. После проволочек, ожидания, утомительной нерешимости начнем оттуда, откуда могли начать четыре дня назад.

И нечего других наказывать своей нерешительностью. Вся эта гонка ни к чему. Столкнуть шлюпку на воду мы ещё можем. Поднять её на корабль не в наших силах.

Пока я медлил, взревела машина, «БТ» стал разворачиваться, и в рубку заглянул тот же человек в фуражке с «крабом». Он сказал, сто связаться с Александровым не удалось, но по каналу идет «Бийск». В три часа он должен быть у двенадцатого шлюза. На этот «Бийск» нас и погрузят. Он подмигнул рулевому: «Не спишь?» – и опять исчез.

4

Я очнулся от запаха рыбы и керосиновой вони, от дымного электрического света, от гулко радио голоса и холода, который бывает вблизи бетонных стен. Кто-то рядом косился на меня опухшим глазом. Я встряхнулся. Сон одолел меня. В рубке был тот же рулевой. Я разодрал глаза, но все равно видел сквозь сон. Ворота уходили под воду, оставляя после себя маленькие бурунчики. Потом ещё черные ворота в натеках масла, слезящиеся водой.

По каналу двигались, как по улице. Берега оснащены фонарями. И рёв машины был уже совсем другим – отражался цементными плитами. Причалили у какой-то арки или навеса с колоннами. Кто-то похожий на Бобенко перелез на причал, крикнул:

- Я через сорок минут!

И исчез в мутном электрическом свете.

Меня била дрожь. Электрический свет мешал проснуться. Казалось, именно он делает темноту непрозрачной. Это был не свет – асфальтовый туман.

- До трех часов можете вздремнуть, – сказал человек в фуражке с «крабом».

Я взглянул на часы. Стрелок не было видно.

– Капитан, – сказал я.

– Я не капитан, – ответил человек в фуражке с «крабом», – я помощник. Шеф, по нашему. Чиф, – он усмехнулся. – Капитан ушел домой. Он в этом поселке живет.

– Включите, пожалуйста, свет, – попросил я, – на часы взглянуть.

Вспыхнула слабая лампочка. Из темноты на мгновение проступили наши болезненно окрашенные электричеством лица, и свет погас.

– Не разглядел, – сказал я, ошеломленный краткостью вспышки.

– Два часа, – сказал помощник. – У меня светящиеся. Электричество капитан не разрешает включать.

– Почему?

– Аккумуляторы разрядятся.

«На таком мощном корабле!» – хотел сказать я, но вспомнил ключ, которым матрос открывал нам дверь в кают-компанию, вторую машину, которую так и не запустили в погоне за «Ангарском», и подумал: строг капитан! И удивился истовости, с которой выполняются даже такие его распоряжения.

Чтобы скоротать время, вышли на берег, бродили под колоннами и так и не смогли определить, арка это, навес, который может быть использован как речной вокзал, или просто неясный ответ на несформировавшиеся эстетические запросы.

На корабль вернулись, увидев возвращающегося капитана. В руках у него была хозяйственная сумка. Это был Бобенко. Вслед за ним вошли в рубку и увидели, как он при свете причальных фонарей листает вахтенный журнал.

– Ничего не записывают, – сказал он сердито. Он пристроился писать, так и не зажигая света. Но потом сдался, включил лампочку, при свете её писал минуты три и тотчас выключил, как только поставил точку.

Нам он сказал:

– «Бийск» должен быть через пятнадцать минут. Будьте наготове.

Сон теперь и не мучил меня. Я отчетливо видел противоположный берег канала, темную глубину дальнего шлюза, в который должен будет войти «Бийск». В ожидании корабля шлюзовые ворота были открыты.

Ровно в три «Бийска» еще не было. Я прислушивался: в узком канале огромный корабль даст о себе знать шумом машин.

Очнулся я от панического крика:

– Уходит!

Это было невозможно, но все мы: и Бобенко, оставшийся в рубке, и рулевой с обаполлом провалились в сон.

Сквозь сон я видел высокую круглую корму, бесшумно входящую в шлюз, и начавшееся движение шлюзовых ворот, которые должны были отсесть нас от «Бийска».

– Давай! – закричал Бобенко. – Заходи в шлюз! Прошлюзуемся вместе с ним.

Корма «Бийска» уже вошла в шлюзовую камеру, а замковые огромные ворота продолжали свое запирающее движение. Но то ли шлюзовой оператор нас заметил, то ли сами успели – «БТ» проскочил в шлюз.

– Пришвартовывайся к корме! – кричал Бобенко.

Я видел, как кто-то из команды перебрался с чалкой на «Бийск». С «Бийска» следили за нами с недоумением – мы брали корабль на бордаж.

На кормы вышел капитан «Бийска». Его позвали вахтенные. Он попытался возражать, но скоро сдался под нашим напором.

– Да мы не в Ростов – в Усть-Донецк идем, – уже благодушно поглядывая на нас, сказал он.

От Усть-Донецка до Ростова сто сорок – сто пятьдесят километров. Но это только на мгновение омрачило нашу радость. Мы выгружали из шлюпки рюкзаки, швыряли на палубу «Бийска» весла, багры. Я полез наверх, чтобы принять мачту и бочонок. Но кто-то из матросов «Бийска» уже оттаскивал рюкзаки в сторону, кто-то оказался проворней меня и подхватил мачту.

– Давай, давай! – подгонял Бобенко.

Шлюзовые ворота открылись, и «Бийск», буксируя пришвартованный «БТ», медленно двинулся в канал.

Чтобы сделать шлюпку как можно легче, мы «раздевали» её: вытаскивали пайолы, кормовую решетку.

– Хватит! – скомандовал Бобенко.

Я видел, как рулевой с обаполем схватился за шлюпку у кормы. Там она была тяжелей всего.

– Давай! – хрипел он.

Сверху, с «Бийска», шлюпку тянули за носовой конец. Она не поддавалась, не хватало ещё чьего-то усилия. Кто-то спрыгнул на «БТ». За шлюпочный конец схватился капитан «Бийска». Установилось равновесие между тяжестью и нашими усилиями. Не хватало последней согласованности, отчаянности, которая соединяет всех хотя бы на один момент.

– Давай! – кричал Бобенко.

И шлюпка приподнялась, уперлась носом в борт «Бийска». На борту появилась царапина. Хозяину корабля такая царапина – заноза в сердце, но капитан «Бийска» продолжал тащить. Царапина увеличивалась, шлюпка поднималась все выше по борту. Едва она перевалила на палубу «Бийска», Бобенко закричал:

– Отваливай! Отдай конец! – торопился вернуться в шлюз, пока ворота открыты.

Между «Бийском» и «БТ» уже возникло опасное зияние, а мы все жила руку Бобенко, помощнику, матросам. Я тряс руку парня с обаполем, а он, кажется, не понимал, зачем это:

– Да, брось ты!

Сверху нас торопили, протягивали руки. И вот, что я чувствовал, когда нас вытягивали на палубу «Бийска». Доброжелательность, как снежный ком. Этой ночью была погоня не за «Ангарском». Но тут важно, что кто-то начал. Без этого никто бы пальцем не шевельнул. А покотившись, доброжелательность открывается в людях, словно только этого и ждала.

И пусть причина была пустяковой, пусть иллюзорной была погоня – доброжелательность была ни пустяковой, ни иллюзорной.

Мы ещё прощально махали руками, а на палубе «БТ» уже никого не было. Окутываясь керосиновой копотью, буксировщик входил в камеру шлюза.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://seminvitaly.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Эй! Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!